

В. В. Вересаев Воспоминания.

Собрание сочинений в 5-ти томах. .Том 5, стр.304,
Москва,1961 г.Издательство "Правда"

II В студенческие годы

В ДЕРПТЕ

После кипуче-бурного Петербурга - тихий Дерпт. Город пересекается длинною, прихотливо изгибающеюся горою, - она называется Домберг; на ней - чудесный парк и развалины старинного немецкого собора. По обе стороны горы - город в тихих, мало оживленных улицах, чистых и уютных. Река Эмба отделяет городскую сторону от заречной. От города во все стороны бегут шоссе, густо обсаженные липами и ясенями, аккуратные мызы, тщательно возделанные поля. Основное тут население - не немецкое. Крестьяне, рабочие, торговцы - это все эстонцы; немцы составляют только верхний слой населения, интеллигенцию. Они же владеют почти всею землею; крестьяне у них землю арендуют. Эстонцы - народ трудолюбивый, честный и культурный.

Мозгом, двигающим и жизненным центром города, является старинный Дерптский университет. Он дал науке много ярких имен, начиная с эмбриолога Карла Эрнста Бэра, астронома Струве и кончая физиологом Александром Шмидтом. Весь город живет университетом и для университета.

Чем-то старым, старым, средними веками несло от всего здешнего жизненного уклада. Студенчество делилось на семь корпораций (землячеств): Курония (курляндское), Ливонна (лифляндское), Эстонка (эстляндское), Ригеизис (рижское), Необалтия (немцев из России), Академия (сборная) и Леттония (латышская - единственная не немецкая корпорация). Большинство немецких студентов входило в корпорации. Но были и вне их. Эти назывались "дикими". Дикими были и все мы, русские.

Новичок, вступающий в корпорацию, назывался "фукс" (лисица). Фуксом он оставался в течение года. Это было время искуса, в этот год он должен был показать, что достоин быть корпорантом. Основным положением считалось: "Повелевать умеет только тот, кто умеет повиноваться". Фукс и должен был доказать свое умение повиноваться, - абсолютно повиноваться всякому приказу любого из корпорантов своей корпорации. Нередко приказы носили характер намеренного издевательства, - фукс, не сморгнув, должен был сносить все. Кельнеров в корпорантских пивных не было, обязанности их исполняли фуксы; каждый из сих, как признак своего звания, имел при себе штопор. Корпоранты властно покрикивали:

- Фу-укс!

И фукс почтительно спешил на зов; ни один профессиональный официант не был так безгласно-почтителен, как фукс, - какой-нибудь князь Ливен или граф Мантейфель. Откупоривал бутылки и наливал кружку.

Кружку, а не кружки. Все сидевшие за одним столом пили круговую из одной кружки. Каждый выпивал около половины, пока при наклоне кружки уровень пива не доходил до нижнего края кружки; потом кружка доливалась доверху и передавалась

соседу. Только при команде "экс!" каждый выпивал кружку до дна. Очень все гигиенично, не правда ли? И это в городе науки. И это среди студенчества, в котором был большой процент сифилитиков.

Пить из одной кружки или стакана было вообще принято во всем Дерпте, да, кажется, даже во всем остзейском крае. Вскоре после моего поступления в университет я как-то зашел с двумя русскими товарищами в пивную. Спросили пару пива. Кельнер поставил перед нами две бутылки - и один стакан.

- Почему вы дали только один стакан? Дайте еще два.

Кельнер с изумлением поглядел на меня, пожал плечами и с презрением поставил на стол еще два стакана.

Фуксы исполняли не только роль кельнеров. Они были посыльными, разносили повестки и приглашения, корпоранты давали им самые разнообразные поручения, - фукс все должен был исполнять. Командовал фуксами заслуженный корпорант, который назывался "ольдермен". Он наставлял фуксов в корпорантской этике и вообще ведал их воспитанием. Однажды в лунную ночь я сидел на скамеечке в городском саду на Домберге. Вдали показалась вереница теней. В полном молчании шли гуськом человек тридцать молодых студентов, а впереди - старый студент-корпорант в светло-зеленой шапочке с бело-голубым околышем. Он водил их по саду самыми прихотливыми вензелями, по траве и через кусты, с серьезнейшим видом подходил к скамейке, перепрыгивал через нее и шел дальше, - и все, один за другим, как овцы, прыгали вслед за ним,

"Кто не умеет повиноваться, никогда не будет уметь повелевать".

После годового искуса фукс становился корпорантом, Он пользовался всеми правами корпоранта, за исключением одного, самого почетного: права носить цветную корпорантскую шапочку и такую же ленточку через плечо на жилетке. Каждая корпорация имела свои цвета: Ливония - светло-зеленый, алый, белый, Ригензис - темно-синий, алый, белый, Эстония - светло-зеленый, темно-синий, белый и т. д. Получить "Farben", стать "Farbentiager'ом" было нелегко, нужно было пройти очень строгую баллотировку, и немало существовало корпорантов, которые годами добивались этой чести. Были такие, что и кончали университет, не дождавшись "красок".

Понятно, как гордо должны были чувствовать себя "фарбентрегеры", как высокомерно смотрели они на "диких" и как снисходительно - на своих товарищей без "красок". На лекции фарбентрегер сидел с распахнутым пиджаком, чтобы все видели его цветную ленточку через жилетку; еще усерднее распахивал он свой пиджак перед экзаменатором. Большинство профессоров в свое время были корпорантами и теперь, в качестве почетных гостей, приглашались на торжественные празднества своей корпорации; там они восседали в своих старых цветных студенческих шапочках (она всю жизнь бережно хранилась бывшим корпорантом, как милая память). Когда профессор замечал у экзаменуемого родную ленточку, глаза его светлели и голос становился мягким. Гасли глаза и голос сох, когда экзаменовался "дикий"; совсем холодными делались глаза и ледяным - голос, когда экзаменовался еврей.

Совершенно для нас необычно было это кастовое разделение студентов после товарищеского равенства всех в русских университетах. И это особенно резало глаза, потому что внешне товарищеские отношения были как будто самые близкие. Все студенты говорили друг другу "ты". Мы знали цену этому "ты" и на "ты" немецких студентов подчеркнуто отвечали "вы", заставляя этим и их переходить на "вы". Однажды в анатомическом театре ко мне обратился корпорант, мой сосед по трупу, с просьбой помочь ему разобраться в сложно-кружевной мускулатуре спины.

- Ich bin daruber ganz dumm!¹

Я ему подробно все объяснил, поправив, сколько было возможно, напорченную препаровку. Он был очень любезен, рассыпался в благодарностях, все время говорил "ты". А назавтра, когда я его встретил на улице с другими корпорантами, он, увидев меня, поспешно отвернулся.

Весь дух немецкого буршеншафта был для нас чудовищно чужд. Никаких общественных интересов, презрение к "политике", узкий национализм; кутежи, дуэли, любовные истории, - в этом проходила жизнь, это воспевали их песни.

Bruder, trinkt einmal!
Wir sind ja doch jung!
Im Alter ist zum Durslen
Noch immer Zeit genug!
Denn der alte wein,
Er ist fur junge Leute!
Bruder, lasst uns heute
Froh und frohlich sein!
Bruder, liebt einrnal,
Wir sind je doch jung!
Im Alter ist zum Hassen,
Noch immer Zeit genug!
Denn die jungen Madchen,
Sie sind fur junge Leute!
Bruder, lasst uns heute
Froh und frohlich sein!²

и т. д.

Настоящий, лихой студент должен был быть задирой, скандалистом, дуэлянтом. Все совсем так, как у нас было лет сто назад среди гусар. Я знал ассистента-доктора при одной из тамошних клиник, бывшего корпоранта. Был вежливейший, воспитаннейший и корректнейший человек. И мне рассказали, что в студенческие годы свои это был исключительный забияка и бретер. Так было принято, это всеми почиталось, старики снисходительно говорили: "В молодости следует перебеситься!", девушки с почтительным восхищением поглядывали на таких удальцов.

Странно и противно было чувствовать себя в такой студенческой среде. Постоянно можно было нарваться на глупейшую историю, на совершенно тобою не вызванное оскорбление. Идешь, навстречу тебе студент-немец - и вдруг он тебя толкает плечом в плечо, как у нас, бывало, в гимназии, в третьем - четвертом классе. Конечно, удивленно посторонишься, скажешь "Виноват!" и пожмешь плечами. А требовалось в ответ обругать обидчика и вызвать его на дуэль. Ему только это и было нужно. Чем больше у бурша было дуэлей, тем было для него почетнее; шрамами и рубцами он гордился, как орденами.

¹ Я на этот счет совсем дурак! (нем.)

² "Братья, будем пить, - ведь вы молоды! В старости довольно еще будет времени, чтобы жаждать. Старое вино - для молодых людей! Братья, будем сегодня веселы и радостны! Братья, будем любить, - ведь мы молоды! В старости довольно еще будет времени для ненависти! Молодые девушки - для молодых людей" и т. д. (Прим. В. Вересаева.)

Нас, русских, немецкие студенты глубоко презирали за то, что мы "антидуэлянты", и задирали всячески. Теперь при воспоминании, все это кажется смешным, но тогда часто бывало очень тяжело. К полякам, напротив, немецкие студенты относились с большим почтением. Поляки дуэль принимали, но ставили условием: дуэль на пистолетах. Выбор оружия всегда предоставлялся вызванному. Обычно дуэли происходили на шпагах, обставлялись рядом ограничительных условий и кончались всего чаще пустяковыми ранами. А тут, на пистолетах, шутки уже были плохие, и дело пахло не царапинами. Было несколько смертных исходов при таких дуэлях. И поляков немцы вызывали с большою осторожностью.

Если нам, русским, приходилось постоянно терпеть задиранья и часто прямые оскорбления, то еще в большей мере все это выпадало на долю евреев. Конечно, подавляющее большинство корпорантов были антисемиты, еврею почти немислимо было попасть в корпорацию равноправным товарищем баронов Иксулей и Тизенгаузеноа. Оскорбляли и задирали евреев где только и как было можно. И на этой почве, как реакция, вырабатывались очень своеобразные типы.

Был у нас студент-медик Юлиус Кан, немецкий еврей. Среднего роста стройный красавец с огненными глазами, ловкий, как кошка, сильный и бешено смелый. Великолепно дрался на шпагах, метко стрелял из пистолета. Не спускал никому ничего и сейчас же вызывал на дуэль. Вскоре за ним утвердилась грозная слава, и корпоранты стали его бояться. По городу про него ходили совершенно легендарные рассказы. Однажды вечером, весною, шел он с двумя товарищами-евреями мимо корпорантской "кнейпы" (пивной). За столиками на улице сидели корпоранты и пили пиво. Увидели евреев. Один здоровенный фарбентрегер обозвал их жидами. Юлиус Кан бросился в гущу корпорантов и дал обидчику крепкую пощечину. Студенты узнали его и растерялись. Корпорант, получивший пощечину, выхватил револьвер. Кан кинулся на него и вырвал револьвер, - тот побежал. Кан за ним. Корпорант торопливо стал спрашивать:

- Wie ist dein Name? (Как твое имя?)

Это значит, что он его вызывает на дуэль, - с этого момента все дальнейшие враждебные действия должны прекращаться. Кан схватил его за шиворот, стал бить рукояткою отнятого револьвера по шее и приговаривал:

- Мое имя - Юлиус Кан! Я живу на Марктштрассе, номер двадцать!.. Мое имя Кан!..

Другой раз стоит он как-то на Studenten-Ecke - так назывался угол Ратушной и Рыцарской улиц, где обыкновенно гурьбами стояли студенты, прогуливавшиеся по Рыцарской улице, дерптскому Невскому проспекту, - подошел к нему корпорант и сказал:

- Was stehst du so einsam und traurig, du altes Jerusalem? (Что стоишь ты так одиноко и печально, старый Иерусалим?)

Кан, еще не глядя, взмахнул рукою и, повернувшись, дал корпоранту пощечину.

Каким-то чудом в Дерпте сохранялись в нетронутом виде старинные традиции, совершенно немислимые в отношении к русским университетам. Вероятно, их не трогали ввиду полного отсутствия какой-либо революционности в местном студенчестве. Должно быть, играла роль и протекция: в течение девятнадцатого века высшая администрация была у нас заполнена и переполнена остзейцами-немцами, - начиная с Бенкендорфов и Клейнмихелей и кончая фон Плеве, Мейендорфами и Ренненкампами.

Для студентов, например, была своя специальная университетская полиция - педея, и общая полиция не смела касаться студентов. Как бы студент ни скандалил, что бы ни делал, арестовать его могла только вызванная из Pedellen-Stube университетская полиция.

Когда на улице студентов обижали "Кnoten" (обыватели), раздавался крик:

- Burschen, heraus! (Студенты, сюда!)

Клич подхватывался, передавался по всему городу, и каждый студент обязан был бежать на выручку к товарищам. Впрочем, в мое время крик этот уже был запрещен.

Обычаи вежливости были своеобразны. Встречаясь друг с другом на улице, студенты фуражек не снимали, а только кивали головой и говорили: "Mojn (Guten Morgen)!"¹ Но так только с товарищами студентами (Commilitonen). Перед пожилыми, а тем более, конечно, перед дамами, фуражку снимали. Если студент шел с дамой, то нужно было кланяться ему, снимая фуражку. Я раз видел: шел корпорант, вел под руку молодую даму. Навстречу пять корпорантов. Сошли с тротуара, выстроились в ряд и, как по команде, почтительно сняли фуражки перед товарищем. Если студент идет с дамой и кланяются его даме, он должен ответить на поклон хотя бы ему и незнакомому. Это, впрочем, кажется, было принято и у нас.

Срок пребывания студента в Дерптском университете был неограничен. Иные из его питомцев оставались студентами до седых волос, - либо потому, что за кутежами, скандалами и дуэлями никак не могли удосужиться кончить курс, либо потому, что им нравилась вольная студенческая жизнь, - благо родители богаты и не торопят с окончанием. Таким студентам название было "Vermooste Burschen" - "обомшелые бурши". При мне студентом университета состоял один совсем старый барон-помещик. Он хозяйничал у себя в имении, в начале каждого семестра приезжал в Дерпт, вносил плату за учение, подписывался на одну какую-нибудь лекцию и уезжал обратно к себе в деревню. Лет через восемь - десять он для разнообразия переходил на другой факультет. При мне он, побывав уже на медицинском, физико-математическом и юридическом факультетах, числился на богословском. Когда он был еще молодым студентом, богатый дядюшка, умирая, завещал выплачивать ему по двести рублей в месяц "до окончания университетского курса". Ну, он, конечно, с этим окончанием не стал спешить и уже тридцать пять лет, к негодованию и бешенству прямых наследников, все получал свои двести рублей.

¹ "Доброе утро!" (нем.)